С. Г. Ильенко,
профессор кафедры русского языка

ЧЕЛОВЕК ПОСТУПКА

Вера Ивановна Чагишева была человеком дела, человеком слова, но прежде всего она была человеком Поступка. Я сознательно написала последнее слово с большой буквы, желая тем самым подчеркнуть, что все ее нравственные и даже прагматические поступки были Поступком с большой буквы. Для Веры Ивановны — Поступок был органичным, касалось ли это заботы об успехе ее главного детища, «Словаря брянских говоров», искренней и бескорыстной любви к своему Учителю и своим Ученикам, или ее выхода в общественные сферы — более 20 лет она была председателем экзаменационной комиссии института — неподкупным, трезвым, решительным, но в то же время очень гуманным.

Не будучи ни в коей мере приверженцем националистической идеи, В. И. Чагишева обладала чувством национальной гордости и считала своей главной жизненной миссией изучение и пропаганду Русского слова, выбрав для себя ориентацию на несметное богатство народных говоров, — описанием их словарного состава и его лексикографической обработкой она занималась до конца своих дней. Было поучительно наблюдать, как к знанию народной жизни в ее бытовом, социальном, нравственном и эстетическом проявлении она приходила не только благодаря своей наблюдательности во время поездок в областную глушь, но и благодаря проникновению в семантическую емкость и динамичность народного слова, благодаря пристальному вниманию к его носителю. (Понятие языковой личности как теоретическая проблема в те годы еще не была сформулирована, но, оглядываясь назад, нельзя не увидеть, что на интуитивном уровне первыми к ней подошли диалектологи.)

Создавалось впечатление, что без звучащего слова Вера Ивановна просто не может существовать. Впрочем, это не только впечатление. Вспоминаю, как однажды, придя к ней в кабинет, я рассказала свой довольно странный сон. Она же вдруг спросила: «Ну, а слова-то в нем произносились?» Я ответила, что не помню. А дальше произошел такой диалог:

Я. Да ты у нас, известно, истинная поклонница слова. Всегда и всюду его тебе подавай, «без вас не мыслю дня прожить» — это про тебя.

Она. Может, и про меня... Но без слова как наяву, так и во сне мне как-то неуютно.

Одна книга, посвященная В. И. Далю, претенциозно названа «Охотник за словами». Мне почему-то за Даля обидно. Слово «охотник» несет в себе нечто агрессивное, даже насильственное. Если бы мне предложили найти подобную метафору для В. И. Ча-гишевой, я бы остановилась

на слове «грибник»: оно «приятно, звучно», но главное — с ним «неразлучно» представление о человеке, который не только знает грибные места, не только умеет увидеть самый притаившийся гриб, но очень бережно с ним обращается, ни в коем случае не нанося вреда его корневой системе. Вера Ивановна умела собирать слова, именно собирать, а не охотилась за ними.

Если она и охотилась, то только за плохо использованным словом. Не терпела, например, развившуюся одно время у «интеллигентов» манеру вставлять в речь якобы «для оживления» простонародные словечки: «теперича» и т. п. Вообще была противница смешения элементов разных речевых систем. Одной аспирантке, пересыпавшей свою речь диалектизмами, тоже, видимо, для оживления, а, может быть, для того, чтобы продемонстрировать свою причастность к популярному диалектологическому кабинету, она сурово сказала: «Вы же лингвист, как же вы в одной фразе совмещаете диалектизмы южнорусского и севернорусского наречий?»

Как была рада и горда Вера Ивановна, когда В. А. Козырева пригласили в качестве консультанта в театр им. Ленсовета, где ставилась пьеса «Станция», персонажи которой были выходцами из различных областей России. Рада, что театральные работники стали обращать внимание на живые реалии диалектной речи, горда тем, что в этой ситуации, требующей высокого профессионализма, привлечен ее любимый ученик.

Мне мало приходилось встречать людей, которые бы так широко, непредвзято, заинтересованно могли говорить о народной жизни с ее трудностями, невзгодами и надеждами, как диалектолог Чагишева. В деревне Веру Ивановну воспринимали не как несколько отстраненного заезжего столичного профессора, а как вернувшегося в свой родной круг друга и советчика. Жители отдаленных от центра селений никогда не чувствовали в ней нечто чужеродное, признавая при этом ее интеллектуальное превосходство. Выбрав в качестве основного направления своей научной и педагогической деятельности диалектологию, она на кафедре в течение почти четверти века не просто возглавляла это направление, широко привлекая к нему кроме преподавателей (А. В. Королькова, Л. М. Чистякова, Г. И. Демидова, Н. И. Батожок, М. Е. Чумакова, позднее — талантливый выпусник, вернувшийся из армии В. А. Козырев, Л. А. Балясникова, имеющая блис-тательную «диалектологическую родословную», и др.), аспирантов и студентов. Она
по сути дела готовила и осуществляла пере-ход своего разросшегося научного коллектива от одного этапа к другому, более плодотворному.

Этих этапов было несколько, условно их можно обозначить как этап застоя, этап выживания и развития, этап расцвета.

Этап застоя был порожден той растерянностью, которая была вызвана скоропостижной смертью Надежды Павловны Гринковой, виднейшего диалектолога, заведующего нашей кафедрой. Хотя она успела определить основные контуры нового объекта исследования (брянские говоры) и предпринять ряд организационных шагов, тем не менее появились страх и беспокойство, что без ее научного авторитета, без управленческих рычагов, которыми она обладала как заведующий кафедрой, прекрасное начинание может быть загублено. Преемником Н. П. Гринковой стал профессор Алексей Георгиевич Руднев, порядочный, очень благожелательный человек, поощряющий научную работу, всегда создающий все условия для написания докторских диссертаций, но, к сожалению, почти не проявляющий интереса к диалектологии. Правда, положение кафедральных диалектологов заметно улучшилось, когда деканом факультета русского языка и литературы стал лингвист, понимавший роль русской диалектологии в формирова-

нии филолога-русиста, — Александр Владимирович Бондарко.

Хотелось бы подчеркнуть особо, что диалектолог не может работать в одиночку (времена Даля прошли). Диалектолог — это не просто лингвист с определенной специализацией, диалектолог — это участник создания коллективной энциклопедии народной жизни, пусть не всегда печатно в этом качестве представленной. Для решения масштабных задач (сбор материала, организация словарной картотеки, изучение новых диалектологических, лексикографических проблем, не говоря уже о создании итогового труда, каким является областной словарь) необходимо содружество единомышленников. Диалектолог по призванию должен обладать не только исследовательскими способностями и выдающимся трудолюбием, он должен обладать талантом организатора. Всего этого Вере Ивановне было не занимать, но несколько лет она билась почти в одиночку, ставя перед собой цель «диалогического выживания».

Сейчас трудно понять, как ее сначала небольшой, но постоянно растущий коллектив не только выжил, но все заметнее развивался и достиг этапа расцвета: была собрана уникальная картотека, состоящая почти из миллиона карточек, изданы первые выпуски словаря, регулярно организовывались не только летние, но и зимние диалектологические экспедиции, более чем успешно работал студенческий кружок, активные участники которого уже опубликовали свои первые работы, был открыт диалектологический кабинет. Для того времени дефицита помещений это было большой победой. (Некоторые коллеги добродушно посмеивались: Вера Ивановна радуется диалектологическому кабинету, как, наверное, не радовалась бы получению новой квартиры.) Кабинет притягивал к себе: там постоянно были люди — работающие над «брянским материалом», пришедшие к Вере Ивановне на консультацию, выверяющие очередную корректуру словаря или публикации научной конференции. А вечером (Вера Ивановна проводила там целый день) этот диалектологический центр превращался в своеобразный гостеприимный салон, где можно уже было поговорить обо всем на свете, а радушная хозяйка предлагала еще и чай (и даже не пустой).

Большинство знавших В. И. Чагишеву помнят ее именно на этапе расцвета, этапе выдающихся успехов ее и ее учеников, любящих и любимых. С одними она душевно ближе — В. А. Козыревым, Л. А. Баляснико-вой, Т. А. Бабешкиной, позднее И. Н. Смирновым, В. В. Резцовым, — но и других она всегда выслушает, подбодрит, а если надо, то и поможет. Те, кто помнит ее в эти последние годы, воспринимает ее как человека удачи, успеха, счастья. Думаю, что это действительно был один из самых счастливых периодов ее жизни.

Увы, так было далеко не всегда — Вера Ивановна получала порой жестокие удары судьбы. Сначала эти печальные страницы ее жизни я собиралась опустить, но потом решила, что без описания их не будет полноты картины. Человека надо видеть и в его счастливые моменты, и несчастливые, в которых он, может быть, проявляется еще полнее. Кроме того, включение эпизодов такого рода позволит моему читателю понять, на чем зиждется противостояние несчастью, умение сохранять свое достоинство и не лишиться благожелательного отношения к людям, не потерять веру в человека. А люди не раз глубоко ее обижали.

Ни по своему мировоззрению (я бы назвала его общегуманистическим), ни тем более по карьерным соображениям В. И. Чагишева не стремилась попасть в ряды КПСС. Но когда однажды ее бывший научный руководитель и ближайший друг Надежда Павловна Гринкова сказала, что для общего дела и для успешной деятельности конкретного коллектива надо пополнять партию порядочными

людьми и что она с удовольствием дала бы ей партийную рекомендацию, Вера Ивановна приняла решение вступить в КПСС. Как показало дальнейшее развитие событий, ее решение оказалось опрометчивым — Куйбышевский райком не утвердил постановление факультетского партийного собрания, сославшись на замечания отдельных коммунистов о ее якобы малой общественной активности, особенно проявлявшейся в студенческие годы. Это своеобразное отторжение от активной жизни факультета Вера Ивановна пережила тяжело, но как всегда мужественно.

С горечью она восприняла и «предательство» кафедры, когда большинством голосов ей было отказано в переводе в докторантуру, хотя тогдашний заведующий кафедрой А. Г. Руднев и наиболее авторитетные преподаватели ее поддерживали.

А. Г. Рудневу пришлось в свое время возглавить очень непростую кафедру, пережившую идеологические и организационные катаклизмы, разнопрофильную по учебной нагрузке и разноликую по составу. Не прошли даром ни общесоюзные разборки так называемых «марристов» (а кафедра числилась марристской), ни трудности, вызванные объединением института имени А. И. Герцена с институтом имени М. Н. Покровского. Под одной кафедральной крышей оказались два коллектива с разными учебно-методи-ческими и научными традициями, с разными установками на жизнедеятельность кафедрального коллектива. «Притираться» друг к другу оказалось далеко не легко. Отсутствие общих конкретных целей (а на первых порах так и было) провоцировало обывательские настроения и некоторую суетность.

Не обошлось и без нелепых сплетен. Коснулись, к несчастью, они и Веры Ивановны. Какой-то злопыхатель присвоил ей амплуа «фаворитки и подхалимки» заведующей кафедрой Н. П. Гринковой. Высокая и искренняя дружба была оскорблена. А между тем эта «фаворитка и подхалимка» готова была в буквальном смысле слова отдать жизнь за своего Учителя. Ярче других это может подтвердить весьма выразительный эпизод. Как известно, в советское время над идеологическими отступниками (а марристы оказались в этой роли) нередко устанавливался негласный надзор соответствующими органами. Доцент В. И. Чагишева была приглашена на беседу и, по существу, ей предложили осуществлять слежку за заведующей кафедрой Н. П. Гринковой. Она, естественно, решительно отказалась, но ее предупредили, что разговор не завершен и будет продолжен. В этот день под вечер она появилась в Публичной библиотеке и, разыскав меня, попросила пройтись с ней по улице для очень серьезного разговора. Мы вышли, и она рассказала о ситуации, в которую попала, и завершила свое признание следующими словами: «Помни, если меня принудят, я покончу жизнь самоубийством. Хочу, чтобы хоть один человек на свете знал об истинной причине моего ухода из жизни». От нее отступились, видимо, поняв, что превратить такого человека в стукача невозможно. Я долго хранила ее тайну и открыла ее самым близким ее ученикам лишь в годы перестройки. Иначе, как подвигом, назвать этот поступок мужественной Веры Ивановны Чагишевой мы не могли.

Известно, что восстановить репутацию труднее, чем ее создать. Сегодня, когда оглядываешься назад, с трудом веришь, что такой высоконравственный и отважный человек попал в ситуацию восстановления своей репутации. Этот жизненный зигзаг сделал ее более сдержанной, менее открытой, но совсем не отразился на ее отношении к людям — никакой озлобленности в ней не появилось. Ее жизненное кредо по-прежнему сводилось к тому, что достоинство и счастье человека определяется умением отдавать, а не губительной привычкой только брать. Говоря образно, она в житейском море нау-

чилась плавать брассом, а не кролем*.

Вспоминая о В. И. Чагишевой, нельзя пройти мимо ее работы в качестве председателя экзаменационной комиссии института.

Главное ее достоинство в этом труднейшем амплуа заключалось в том, что она смотрела на каждого абитуриента как на своего будущего личного ученика, который требует не просто экзаменационной проверки, а поддержки и понимания. Это отношение к поступающим в ее институт сказывалось во всем. (Замечу в скобках, что В. И. Чагишева никогда не отделяла себя от ЛГПИ им. Герцена — ее глубоко возмущали фразы типа: «Вот сколько я сделал для института, а звание доцента все еще не получил». Она исходила из тезиса «Делать для института — это делать для самого себя»).

Такое отношение к строго контролируемым, но в то же время опекаемым абитуриентам проявлялось на всех этапах приемных экзаменов: и при выборе экзаменаторов, и при утверждении тем сочинений, и при разборе апелляций, поданных в конфликтную комиссию. В разборе конфликтных случаев была она предельно щепетильна. Несколько раз она мне звонила, когда в комиссии возникали разногласия по трудным случаям выявления и квалификации речевых нарушений. Однажды она спросила, считала ли бы я ошибкой написание при цитировании Ломоносова «на испанском (языке)» вместо ломоносовского «на ишпанском», и если «да», то какой? Мой ответ, что это не ошибка в ее традиционном понимании, а замена одного фонетико-графического варианта другим (более современным), что излишний педантизм в подобных случаях мог бы привести в конце концов к тому, что мы увидели бы ошибку при цитировании, например Пушкина, в слове «лес», поскольку в оригинале у поэта «лhсъ», – мой ответ, казалось, не только ее удовлетворил, а даже обрадовал. А я подумала: «Спасает еще одного абитуриента».

В другой раз предметом нашего общения был вопрос о том, можно ли безоговорочно считать кавычки знаком препинания, а, следовательно, их неоправданное введение расценивать как нарушение пунктуационных норм, т. е. как пунктуационную ошибку? Речь шла о конкретном примере абитуриентского сочинения, связанного с интерпретацией «Евгения Онегина». Автор сочинения, раскрывая эпизод посещения Татьяной онегинского дома, так передает речевое поведение ключницы Анисьи: «Показывая Татьяне “барский кабинет”, ключница рассказывает, что в нем “он спал”, “пил кофе”, “приказчика доклады слушал”и “книжки поутру читал”». Пушкинский же текст выглядит так:

Здесь почивал он, кофий кушал,
Приказчика доклады слушал
И книжку поутру читал.

Пишущий сочинение то точно цитирует Пушкина: «приказчика доклады слушал», то прибегает к вольной передаче лишь смысла: «спал», «пил кофе». Однако при этом и в первом, и во втором случае использует кавычки*. Как ни хотелось Вере Ивановне признать правоту абитуриента, но мы сошлись на том, что пунктуационная ошибка здесь есть, пусть совсем не грубая, но есть: в кавычки заключается лишь дословно

* Движение стиля брасс сходно с жестом, символизирующим открытость и отдачу, тогда как движения стиля кроль воспринимаются как жест «все подгрести под себя».

* Термин «кавычки» может использоваться не только для обозначения **пунктуационного знака**, но и **приема собственно графического**, обладая при этом разными функциональными нагрузками. Чаще всего в них заключаются слова и выражения, когда пишущий хочет показать, что оно употреблено не просто в своем обычном значении, но с какой-то эмоциональной или экспрессивной добавкой (иронией, например). Отсюда идут речения типа *«красивый» в кавычках, «храбрец» в кавычках* и подобные.

переданная чужая речь или ее отдельные элементы.

С такой же трепетностью она относилась к выбору тем сочинений. Их разрабатывали все филологические кафедры, в некоторых случаях они извлекались из опубликованных методических рекомендаций — в итоге В. И. Чагишева оказывалась обладательницей очень разнообразной ценной коллекции тем сочинений. Нужно было отобрать наиболее удачные.

Александр Дмитриевич Боборыкин, бывший в те годы ректором института, участвовавший, как и Вера Ивановна, в отработке тематики экзаменационных сочинений, не без легкого юмора любил рассказывать о их спорах и «ссорах» по этому поводу. Александр Дмитриевич был падок на оригинальность, в то время как Вера Ивановна отстаивала ясность и функциональную направленность в формулировках. Она, например, не соглашалась с такими темами, как «Почему Кюхельбекер считал для себя возможным сравнение Пушкина с его любимой героиней Татьяной Лариной?», полагая ее вычурной и никак не обеспеченной содержанием школьной программы. Решительно отвергала она и тему «Круг чтения главных героев “Евгения Онегина” и его влияние на формирование их характера». Ей заранее представлялась ее реализация в сочинениях абитуриентов поверхностной и очень неполной. «Вот и будет экзаменатор в резюме ко всем сочинениям писать одно и то же, “тема не раскрыта”», — заметила она в сердцах. Войдя как-то в кабинет ректора, я застала их за очередным спором, увидев одного из них в амплуа «эстетствующего мыслителя», другого в роли защитника «бедных» и «оскорбленных». Желая их примирить, я высказалась за то, чтобы функция проверочного сочинения была расширена за счет того, что экзаменующемуся дается просто название произведения, он же должен самостоятельно сформулировать конкретную тему, а затем ее раскрыть. Но мое предложение их не заинтересовало: А. Д. Боборыкин видел в работе сотрудников института над тематикой не только прагматический смысл, но и научно-методический: «Тематика сочинений, — считал он, — отражает лицо института, обнаруживает существующий в нем методико-мировоззренческий потенциал». Доводы В. И. Чагишевой были иными: «Для бывшего школьника — это необычная ситуация, что слишком затруднит абитуриента, у него половина времени уйдет на придумывание темы». Я подумала: «Да, в своей поддержке поступающих Вера Ивановна всегда последовательна».

Благодарю судьбу, что из периода своего заведования кафедрой 11 лет проработала с В. И. Чагишевой. Говоря образно, в трудную минуту она тот час же протягивала руку помощи, а еще точнее — готова была подставить оба свои плеча. Ей было присуще чувство соратника. Это прежде всего направляло и укрепляло наши дружеские и доверительные отношения. По природе своей совсем разные, мы любили, уважали или, наоборот, не любили, не уважали одних и тех же людей, одинаково оценивали одни и те же институтские события. У нас было много откровенных бесед, но хочу вспомнить одну — в конце апреля 1974 г. На последнем, апрельском общеинститутском совете обсуждалось так называемое дело профессора Ефима Григорьевича Эткинда. Его «прегрешения» состояли из таких фактов, как связь с А. Солженицыным и хранение его рукописей, сочувственное отношение к поэзии эмигранта И. Бродского, на суде которого он выступал в качестве свидетеля защиты, доказывая судьям, что писать и переводить стихи — это вовсе не тунеядство (а именно в этом И. Бродского и обвиняли), собственные «методологически порочные» высказывания и др. С точки зрения партийных органов, крамольного профессора надо было лишить ученого звания и ученой степени. Именно такую инструкцию в обкоме партии

получили ректор и секретарь партбюро, которые были поставлены в положение палачей поневоле. Я не была на том апрельском совете, лежала больной дома, но, зная, что там будет В. И. Чагишева, попросила после окончания заседания ее ко мне приехать. Она приехала. Первыми ее словами были: «Как хорошо, что ты не присутствовала при этом сраме!» Ее возмутили выступления многих членов совета. Я сказала: «Нам всегда будет стыдно за это событие». Вера Ивановна мгновенно отпарировала: «Тебе — да, мне — да, Александру Дмитриевичу — да, а вот им (она назвала несколько имен из выступивших на совете особенно агрессивно) — вряд ли». Когда же я словно примирительно сказала, что, может быть, мы еще доживем до того, что коллективно покаемся и попросим у него прощения, она мне иронически ответила: «Ну, жди, жди!»

Для того времени моя фраза была чистой риторикой, на которую Вера Ивановна в свойственной ей манере и отреагировала*. А потом она призналась, что, когда она ехала ко мне, то все время вспоминала Надежду Павловну Гринкову, которая в 50-е гг. тоже подверглась проработке. После одной очередной агрессивной статьи она сказала Вере Ивановне: «Если так будет продолжаться, то дойдет и до того, что меня лишат ученой степени». Помолчала. И после паузы прибавила: «В подобных акциях есть что-то даже смешное: ведь если приказать не называть впредь поэта поэтом, он не лишится способности писать стихи, так же как талантливый пианист, не допущенный к концертной деятельности, не перестанет любить музыку». По сути дела, она говорила о себе. Вера Ивановна обобщила все это фразой: «Я уверена, эти проработки и даже какое-то глумление укоротили жизнь Надежды Павловны». Сама же Вера Ивановна делала все, чтобы продлить жизнь своего Учителя. Она оказывалась рядом во все напряженные моменты. Когда Надежда Павловна решила поехать в Болгарию, она тоже туда поехала — эта поездка оказалась трагичной: Надежда Павловна там скончалась. Гроб с телом своего Учителя сопровождала на родину ее преданная Ученица.

Не могу не сказать — многие идеи, связанные с работой кафедры, у меня возникали в результате моего тесного общения с профессором Чагишевой. Так, вникая все больше и больше в целенаправленность и организационную упорядоченность деятельности кабинета брянских говоров, я пришла к мысли о создании на кафедре проблемных групп, объединяющих сотрудников единой научной проблематики, во главе которой стоял бы один из кафедральных профессоров. Эта перестройка оказалась весьма эффективной.

Проф. В. И. Чагишева оказывала мне не только фактическую, но и, я бы сказала, психологическую, помощь, когда в качестве председателя Комиссии по русскому языку Министерства просвещения РСФСР я билась за отмену министерского решения, санкционированного сверху, о лишении пединститутов права издавать областные словари. Что бы я ни предпринимала (обивала пороги высоких начальников, организовывала письма виднейших диалектологов в высокие инстанции и т. п.), «лед не тронулся». И вот когда у меня опускались руки, я сразу же представляла себе наш словарный кабинет, сидящую в нем Веру Ивановну среди своих сокровищ — картотеки, высоко оцененной известными диалектологами (профессором Ф. П. Сороколетовым, А. И. Федоровым и др.), но не имеющей права поделиться этим сокровищем ни со специалистами, ни с любителями русского языка, я приободрялась и начинала все сначала, повторяя в

* К сожалению, В. И. Чагишева не дожила до другого заседания институтского совета, который под председательством ректора Г. А. Бордовского вернул Е. Г. Эткинду звание профессора и ученую степень доктора наук.

разных кабинетах две ключевые фразы: «А что вы, нелингвист, можете назвать из лингвистического наследия XIX века? Конечно же, — словарь Даля» и «Справедливо ли у народа отнимать его народное достояние?». В конце концов победа была одержана. (Объективности ради, хочу заметить, что важнейшую помощь в осуществлении нашей победы оказал, будучи тогда директором Института русского языка Академии наук СССР, профессор Федот Петрович Филин.)

В. И. Чагишева была религиозным человеком, хотя ревностного отношения к церкви и церковным обрядам у нее не было. Она просто верила в Высшую силу, которая поддерживает жизнь на Земле, особенно же — нравственную сторону. Я почти уверена, что втайне ей хотелось, чтобы после ее смерти ее отпевали. Но ни своим ученикам, ни своим, даже самым близким, коллегам она на это даже не намекнула, не желая ставить их в двусмысленное положение. Хотя шел уже 81-й год и разного рода предприятия безбожников поутихли, но в качестве идеологического императива оставалась известная марксистская формула «Религия — опиум для народа». Отсюда атеистическое воспитание школьников и студентов рассматривалось как непреложный составной компонент коммунистического воспитания в целом. Отсюда и та нетерпимость, которая относилась даже к тем, кто проявлял к религии просто лояльность. Даже такой с широкими взглядами и гуманистическим восприятием окружающего человек, как А. Д. Боборыкин, сделал внушение профессору А. Н. Лурье, осудив его за то, что на похоронах математика Поспелова тот «на глазах у студентов» нес к могиле православный крест. (Жизнь, однако, часто предлагает нам удивительные парадоксы. Самого А. Д. Боборыкина отпевали в Невской лавре, и, хотя это было сделано по инициативе семьи, нового ректора ЛГПИ им. А. И. Герцена, Геннадия Алексеевича Бордовского, в министерстве, мягко выражаясь, пожурили, — а шел уже 1988-й год). Так если гуманист А. Д. Боборыкин вынужден был взыскивать с преподавателя за проявленную к религиозным обрядам лояльность, так что же было ждать от функционеров партии, воспитавших миллионы безбожников (не правда ли, выразительное слово!) — таковы были реалии нашего тогдашнего бытия. Вера Ивановна их хорошо знала и в очередной раз проявила заботу и такт в отношении своих товарищей.

Словом, Вера Ивановна оставалась Верой Ивановной.

В период последнего ее пребывания в клинике, где она и скончалась, Владимир Алексеевич Козырев организовал у ее постели дежурство (готовых к этому оказалось достаточно). Это почти ошеломило соседок по палате, и одна из них мне как-то сказала: «Какие ребята у вас хорошие, неужели вся молодежь такой может быть?» Я не смогла ответить на ее вопрос, но подумала: «Те, которых В. И. Чагишева научила любить, быть верным долгу, — именно такие. Ведь она своим примером воспитывала из каждого своего Ученика Человека Поступка»*.

---

* После смерти В. И. Чагишевой В. А. Козырев (теперь первый проректор РГПУ им. А. И. Герцена) опекал ее престарелых теток. Когда же старшая — Татьяна Филипповна — осталась одна, он взял ее к себе в дом, где она прожила до своих последних дней.